

ДО СВИДАНИЯ, МАЛЫШ

Современная военная драма в двух действиях

История про историю, которой мы достойны

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

СТАРИК

МАЛЬЧИК

ОФИЦЕР

ДЕВУШКА

ГЛИНА

БОЦМАН

МАМА

Деревенский дом с прилегающим к нему двором. Примерно наши дни.

Сквозь всю ткань спектакля в качестве музыкального фона периодически звучит тема песни «Я буду там» группы «Агата Кристи».

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ
СЦЕНА ПЕРВАЯ

*В отдалении постоянно слышатся отзвуки большой войны.
На стенах тёмной комнаты играют блики от огня буржуйки. За столом с
горящей керосиновой лампой сидит Мальчик, рисует в тетради.
В комнату входит Старик, складывает у печки принесённую охапку дров.*

МАЛЬЧИК. Котика не видел?

СТАРИК. Не видел. Придёт твой Котик, никуда не денется.

МАЛЬЧИК. Денется. Пёсик же делся.

СТАРИК. Шальной у нас Пёсик был, беспокойный. Такому деться, что сметаны
объесться.

МАЛЬЧИК. Я забыл, что такое сметана. Ты говорил, а я забыл.

СТАРИК. Ну, это белое такое, густое, вкусное. Собачки очень любят.

МАЛЬЧИК. Собачий корм?

СТАРИК. Можно и так сказать.

МАЛЬЧИК. Нарисую, как Пёсик ест сметану. Вот здесь, рядом с мамой, у
колодца.

СТАРИК. Рисуй, рисуй. Хуже не будет.

МАЛЬЧИК. А мама высокая была? Выше тебя?

СТАРИК. Нет, пониже.

МАЛЬЧИК. А я хочу, чтобы выше.

СТАРИК. Ладно, пусть выше. Может, я и забыл уже. Ты рисуй, рисуй - всё что
помнишь, рисуй, что во сне видел, рисуй, Котика, Пёсика - всех рисуй. А как
срисуешь карандаш, у меня ещё один есть, хоть жёлтый, так что ж, и жёлтым
можно рисовать. А потом мы на забор все твои рисунки повесим - выставка
будет, люди мимо пойдут, смотреть станут. Скажут: вот же какой художник
здесь живёт, скажите пожалуйста. И Котик у него как настоящий, и Пёсик как
живой, и мама тоже.

МАЛЬЧИК. Как живая?

СТАРИК. Печка хорошо как разгорелась. Макароны будешь? Разогрею сейчас.

МАЛЬЧИК. С вискасом?

СТАРИК. Что ж с тобой поделаться, ладно, откроем банку. Как будто праздник у нас.

МАЛЬЧИК. Деда, а что значит «люди мимо пойдут»? Сколько пойдёт? Бабка Эльза пойдёт, и Артур одноногий, и Ленка с матерью. А кто ещё-то?

СТАРИК. Не Ленка, а Лена.

МАЛЬЧИК. Прости. Какие ещё люди пойдут?

СТАРИК. Разные. Мы же летом выставку твою сделаем, когда тепло будет. Летом хорошо, летом крапива пойдёт, грибы, ягоды - не пропадём.

МАЛЬЧИК. Крапива на выставку пойдёт? А ты сказал, люди.

СТАРИК. Сказал и сказал, чего ты. К лету всякое может случиться. Даже люди.

МАЛЬЧИК. А лето скоро настанет?

СТАРИК. Ну как скоро, настанет когда-нибудь. Наверное.

МАЛЬЧИК. Я помню лето, ты не думай.

СТАРИК. И чего ты там помнишь?

МАЛЬЧИК. Такое яркое всё кругом, облака помню, маму. Нет, маму не помню. Соврал. Врать нехорошо, я знаю. Мокрое вот тут помню.

СТАРИК. Подмышками. Это пот у людей от жары выступает. Тут у нас от печки жарко бывает, а летом просто от погоды, от солнца. Солнце помнишь?

МАЛЬЧИК. Ага. Кажется.

СТАРИК. А что ты хорошо запомнил самое первое, самое отчётливое?

МАЛЬЧИК. «Отчётливое» - это как?

СТАРИК. Как Пёсика сейчас ты помнишь, только давно.

МАЛЬЧИК. На машине ехали по дороге. Впереди дядя в военной форме рулил, а мы сзади. Я Котика держал, а ты меня вот так за плечи. Быстро ехали, трясло сильно. Потом грохнуло, ты мне уши закрыл и глаза рукой. А когда открыл, дядя убитый уже был. Мы из машины вылезли, и ты меня в канаву бросил, а сам сверху навалился. Дышать было трудно, и Котик руку поцарапал. Потом ты меня через лес нёс на руках, потом мы к воде вышли, в лодке поплыли. И я заснул.

СТАРИК. Надо же. Тебе ведь четыре года исполнилось всего, когда мы из Города уходили от фронта. Май Первой Кампании шёл, аккурат битва под Бремками начиналась. А солнце было ещё тогда, не помнишь?

МАЛЬЧИК. Нет, не помню. Дым на дороге стоял, а когда я в лодке проснулся, уже ночь была.

СТАРИК. Вот и у меня всё в памяти перепуталось. После Бремок, сдаётся, мгла опустилась. Или позже, перед рейдом Грициуса на Кронцлар? Ладно, неважно. Давай-ка за стол садиться, пока макарены горячие.

МАЛЬЧИК. И вискас.

СТАРИК. И вискас.

МАЛЬЧИК. Вкусно.

СТАРИК. Вот тебе ещё. Что сказать нужно?

МАЛЬЧИК. Спасибо.

СТАРИК. Пожалуйста. Не забывай - людям приятно, когда с ними вежливо. И тебе будет приятно, когда с тобой так.

МАЛЬЧИК. А людей много на Земле, деда?

СТАРИК. Было много. Ешь, ешь.

МАЛЬЧИК. А будет тоже много? Летом, когда выставку повесим.

СТАРИК. Будет лето, будут и люди. Дожить бы.

МАЛЬЧИК. Ничего, деда, доживём. И до лета, и до солнца, и до людей. Честное слово.

СТАРИК. Ладно. Если честное слово даёшь, значит доживём. Честным словом не разбрасываются, ты знаешь.

МАЛЬЧИК. Ага.

СТАРИК. Вот чай.

МАЛЬЧИК. Со смородиной сегодня?

СТАРИК. И с мятой. Полезный. Пей, только не обожгись. Дров у нас с тобой на три дня осталось. На ближней околице сухая рябина стоит, срублю завтра. Потом напилим с тобой. Будешь деду помогать?

МАЛЬЧИК. Я люблю тебе помогать пилить. Я сильный.

СТАРИК. Вырастешь, станешь ещё сильнее.

МАЛЬЧИК. Как ты?

СТАРИК. Как Рэмбо. Помнишь, я тебе сказку про него рассказывал?

МАЛЬЧИК. Здорово. И я тоже всех инквизиторов победю?

СТАРИК. Одолею. Нет такого слова, «победю».

МАЛЬЧИК. Есть. Если я могу кого-то победить, значит я победю.

СТАРИК. Ты слушай, что тебе старшие говорят. Если я сказал нет, значит нет.

МАЛЬЧИК. Почему нет-то, если есть? Я же сказал «победю», а ты меня понял. Значит, это правильное слово, человеческое.

СТАРИК. Человеческое - это когда никто никого не побеждает. И не убивает ради победы. Когда люди просто живут по-человечески, не прячутся друг от друга. Когда лето и солнце.

МАЛЬЧИК. А ты так и не объяснил, почему «победю» неправильное слово.

СТАРИК. Потому что неправильное.

МАЛЬЧИК. Ты, деда, какой-то дурак сегодня.

СТАРИК. Решил пойти на крайние меры? Оказать психологическое давление? Включить элементы обесценивания оппонента? Выдвинуть ультиматум? Ну, держись! Попался, лингвист доморощенный!

Старик сгребает Мальчика в охапку, тормозит, тот отбивается. Оба хохочут.

МАЛЬЧИК. Победю, победю, победю!

СТАРИК. Уф-ф. Победил, победил. Знаешь, если честно, то я и сам не понимаю почему «победю» - неправильно. Пусть у нас с тобой оно будет правильное. Мне не жалко.

МАЛЬЧИК. Ура! Я победил!

СТАРИК. Ну и хорошо. Так всегда и будет теперь.

С улицы слышится звук подъехавшей бронемашинны, звучат шаги на крыльце. Старик встаёт, убирает мальчика за спину. В комнату входит Боцман.

БОЦМАН (*снимает шапку, пытается перекреститься*). Крамольники, значит. Святых образов не держим.

СТАРИК. Не наша хата, чужая, господин солдат. Мы здесь случайно и временно.

БОЦМАН. Да мне похрен. Руки поднял, карманы наружу. Кто ещё в доме? Там что?

СТАРИК. Ничего, пустая комната. Мы одни здесь.

БОЦМАН заглядывает во вторую комнату.

БОЦМАН. Тоже с печкой, уже хорошо. (*Говорит в наплечную рацию.*) Господин офицер, тут дед с мальцом, всё чисто. Слушаюсь. (*Старику.*) Регистрацию на стол, оба лицом к стене. Молчать. (*Изучает документы, говорит в рацию.*) Крамольники третьей степени, господин Офицер, без еретизма.

СТАРИК исполняет приказ, поворачивается к стене, одной рукой обнимает МАЛЬЧИКА. В дом входит ГЛИНА, ведя за собой на короткой верёвке ДЕВУШКУ со связанными руками и заклеенным скотчем ртом. Следом входит ОФИЦЕР, осматривается, указывает ГЛИНЕ на лавку у окна. Тот ведёт туда ДЕВУШКУ, усаживает, садится рядом. БОЦМАН протягивает документы СТАРИКА, ОФИЦЕР отрицательно качает головой.

ОФИЦЕР. Доброго вечера, хозяева.

СТАРИК. Доброго вечера.

МАЛЬЧИК. Здравствуйте.

ОФИЦЕР. Извините за вторжение, но военная необходимость. Бензин закончился. Утром бензовоз подъедет, и мы дальше двинемся. Дело к ночи, а у вас тут натолено. Да поворачивайся, отец, мы не кусаемся. Что ты как неродной.

СТАРИК с МАЛЬЧИКОМ поворачиваются лицом к непрошенным гостям. ОФИЦЕР и СТАРИК молча смотрят друг на друга.

Рекомендуюсь, старший офицер контрразведки легиона Архангела Михаила. Это сержант позывного чина Боцман, рядовой позывного чина Глина.

БОЦМАН идёт в соседнюю комнату растапливать там печь.

МАЛЬЧИК (*указывает на девушку*). А это кто?

ОФИЦЕР. Мне бы тоже, мальчик, хотелось узнать, а это кто. Но давай начнём с тебя: кто ты, откуда здесь, зачем? Рассказывай, не бойся.

СТАРИК. Я изложу, господин офицер.

ОФИЦЕР. Не вмешивайся, отец. Мы тут сами с усами и с хвостами. Так, мальчик?

МАЛЬЧИК (*радуется*). С усами и с хвостами. Так, да? (*Пытается показать на себе усы и хвост.*)

Все улыбаются.

ОФИЦЕР. Достаточно кривляний. Рассказывай.

МАЛЬЧИК. Мы пришли, когда ещё снег не падал. Деда кашлял, сказал, что зимовать тут будем. Потом он ходить опять начал, мы зашли в магазин - там стены не было - консервов набрали вот столько, «вискас» называются. Макароны там ещё были, горчица, только она невкусная. Нам разрешили: бабка Эльза приходила, сказала «живите, все равно Гликманов нет больше». И Ленка, то есть, Лена с её мамой заходили. Дед Лену учить будет зимой урокам всяким, а ленина мама сказала, что за это она нам одежды даст и немножко муки даже. И играть мы будем с Ленкой, так зима и пройдёт, она сказала. А Артур одноногий...

БОЦМАН возвращается.

БОЦМАН. Я извиняюсь, господин офицер, но и нам метнуть бы чего в организм. Весь день не емши.

ОФИЦЕР. Отужинать, ты хотел сказать.

БОЦМАН. Так точно.

ОФИЦЕР. Что ж, справедливо. Хорошо, мальчик, интересный рассказ. Сейчас мы тебе за него настоящий стол яств накроем. Не возражаешь, отец?

СТАРИК. Воля ваша. Но я бы поаккуратнее обращался с архаизмами.

ОФИЦЕР. В каком смысле?

СТАРИК. «Где стол был яств, там гроб стоит». И это не я сказал.

ОФИЦЕР. Я знаю, кто это сказал. «И бледна Смерть на всех глядит». Нет, я не суеверен и к тому же не люблю поэтов екатерининского выпрленного штиля. Нам, грубым солдатам, ближе фронтовая похабень в духе незабвенного Франсуа Вийона. Не так ли, брат мой во оружии Глина?

ГЛИНА. То есть, я бы тоже поел, господин офицер. Отужинал, да.

ОФИЦЕР. О, господи. Боцман, смени Глину. Глина, ужин. Вперёд.

БОЦМАН берёт верёвку из рук ГЛИНЫ. ГЛИНА выходит из дома.

БОЦМАН (*Девушке*). Не дёргайся, дрянь. Чего задёргалась?

ОФИЦЕР. Пусть скажет.

БОЦМАН отклеивает часть скотча со рта ДЕВУШКИ.

ДЕВУШКА. В нужник.

БОЦМАН возвращает скотч на место. ОФИЦЕР кивает.

БОЦМАН. Опять ей приспичило. Сортир у вас где?

СТАРИК. Налево до забора.

БОЦМАН уводит ДЕВУШКУ на улицу. ОФИЦЕР за столом рассматривает рисунки мальчика.

ОФИЦЕР. Это мама?

МАЛЬЧИК. Мама.

ОФИЦЕР. А где она сейчас?

МАЛЬЧИК (*показывает вверх*). Там.

ОФИЦЕР. Давно?

СТАРИК. Не травмируйте ребёнка. Это вас не касается.

ОФИЦЕР. Давно?

СТАРИК. В первую Инквизицию шальной пулей. На бульваре Кригера.

ОФИЦЕР. На баррикадах?

СТАРИК. Она с репетиции шла, а тут штурм.

ОФИЦЕР. Чья пуля была - еретиков или инквизиции?

СТАРИК. Неизвестно.

В дом входит ГЛИНА с объёмистой сумкой. Выкладывает на стол банки с консервами, колбасу, сухой паёк, хлеб, сахар и прочее.

ГЛИНА. Сковорода есть?

СТАРИК. В шкафу.

ГЛИНА готовит ужин. МАЛЬЧИК заворожённо наблюдает за процессом. ОФИЦЕР продолжает рассматривать рисунки МАЛЬЧИКА.

ОФИЦЕР. Талантливо для его возраста.

СТАРИК. Он способный мальчик, умный и добрый. В мать пошёл.

СТАРИК убирает со стола тетрадь и карандаш. В комнату возвращаются БОЦМАН и ДЕВУШКА.

БОЦМАН. Пиналась.

ГЛИНА. Резвенькая.

ОФИЦЕР (*спокойно*). Молчать. Ужинать с нами будете, барышня? Это мы можем святым духом питаться, а еретикам никак не положено. Ну да у нас, как видите, и кроме святого духа есть чем порадовать плоть земную. Так будете? Вот и славно. Освободить.

БОЦМАН. Рисковый вы человек, господин офицер.

ОФИЦЕР. Однова живём, Боцман.

ГЛИНА развязывает ДЕВУШКЕ руки, убирает скотч со рта.

ГЛИНА. Только одно лишнее движение сделай мне, тварь, сразу ухо отрежу.

ОФИЦЕР. Глина! Здесь дети.

ГЛИНА. Виноват, господин офицер. У меня всё готово.

ОФИЦЕР. Подавайте.

*БОЦМАН споро расставляет найденные в комнате разносортные тарелки.
ГЛИНА нарезает хлеб, раскладывает еду.*

БОЦМАН. Прошу к столу, господин офицер.

ОФИЦЕР. Присоединяйтесь. Садись здесь, малыш.

СТАРИК. Благодарю, он привык рядом со мной.

ОФИЦЕР. Как скажете. Боцман, молитву. Никого не принуждаю, боже упаси. Каждому по вере его. Или безверию. Боцман.

Военные берутся за руки, ОФИЦЕР и БОЦМАН закрывают глаза, ГЛИНА зло наблюдает за девушкой. СТАРИК молитвенно складывает перед собой ладони. МАЛЬЧИК в нетерпении ждёт завершения непонятной скучной процедуры. ДЕВУШКА упрямо смотрит в стол.

БОЦМАН. Господь наш Вседержитель, уповаем на волю Твою, справедливость Твою, возмездие Твоё. И пусть хлеб Твой утроит силы наши в святой борьбе во имя Твоё. Да сгинет Враг вечный и слуги его яко в тверди земной, так и в воздушных небесных. Восславь, Господь, святую инквизицию и ратный подвиг ея во имя Отца, Сына и Святаго Духа. Аминь.

Приступают к трапезе.

ГЛИНА. Боцман у нас в Академии Духовного Регламента целый курс окончить успел, пока за грех кокаинизма его не выперли. По мне так невелик грешок, но в дипломированного дознавателя не допустили его святоши-академики. Вот здесь с нами теперь воительствует, сержантом-недоинквизитором. Прости Господи его душу грешную.

БОЦМАН. Заткнись.

ГЛИНА. Я же от души. Чисто застольный разговор поддержать.

ДЕВУШКА. Клеймили калёным железом еретиков-то в своей Академии? Водой успели попытать отступников? А, Боцман?

БОЦМАН. Вы, девушка, кушайте, кушайте. Не надо вам.

ДЕВУШКА. Я кушаю, кушаю. А что мне надо и что не надо сама решать буду.

ГЛИНА. Ты Бога-то побойся: мы со всей душевностью, хлеб с тобой вот преломили, а ты поносить нас взялась. Креста на тебе нет.

ДЕВУШКА. Ваши кресты людской кровью умыты, детскими кошмарами украшены, слезами матерей прокляты. Воздастся вам и на этом свете, и на том за всё содеянное.

БОЦМАН. Пошла писать еретичка по методичке. Что ж вы все такие одинаковые-то, антиклерикасты штопаные?

СТАРИК. Девушка, я вас прошу. Не стоит, право. Тут ребёнок.

ДЕВУШКА. Пусть видит и запоминает. Всё видит и всё запоминает. Ладно, умолкла.

ГЛИНА. Умолкла она.

БОЦМАН. Вкусно, ребёнок?

МАЛЬЧИК. Очень вкусно. А это что в банке?

ГЛИНА. Огурцы маринованные. Корнеплоды.

СТАРИК. Корнишоны.

ГЛИНА. Точно. Спасибо, отец.

ДЕВУШКА. (*Старику.*) Вы как будто их за людей держите.

СТАРИК. Что ж, Господу всякая душа человеческая важна. Значит, так надо.

МАЛЬЧИК. Я наелся, спасибо.

СТАРИК. Спать тебе пора.

МАЛЬЧИК. Не хочу.

ГЛИНА. А я хочу.

БОЦМАН. Мы с Глиной в машине разместимся, господин офицер, с посменным караулом. Под бронёй привычнее. А арестантку свяжем на ночь, никуда не денется.

ОФИЦЕР. Валяйте.

ДЕВУШКА. Галантные какие кавалеры в инквизиции.

ОФИЦЕР. Боцман, спальник мой с карематом занеси потом. *(Старику.)* Девушка с мальчиком в дальней комнате лягут, а мы с вами здесь как-нибудь устроимся. Не возражаете?

СТАРИК. Давайте так.

ГЛИНА. Глаза слипаются. *(Девушке.)* Встала, руки вперёд. Верёвку подай, Боцман, сзади тебя лежит.

ДЕВУШКА. А танцы? Дамы приглашают кавалеров.

Со святыми упокой, с грешником веселье.
Инквизиторы в гробах справляют новоселье.

Крестonosцы, крестonosцы, крестonosцы божии.
Вы зачем в калашный ряд со свиною рожею?

Легион ты легион, сапоги гармошкой.
Один молится всерьёз, десять понарошку.

Инквизиция моя, чёрные мундиры.
Поп солдатака того, дьякон - командира.
И-эх!

ОФИЦЕР. Наплясалась? Всем отбой.

ГЛИНА вяжет руки ДЕВУШКЕ, ведёт её в соседнюю комнату. СТАРИК подталкивает МАЛЬЧИКА вслед за ними.

МАЛЬЧИК. Какой хороший день сегодня.

СЦЕНА ВТОРАЯ

У бронемашин БОЦМАН и ГЛИНА наблюдают за зарницами дальних разрывов. В доме СТАРИКА светятся окна.

ГЛИНА. Справа ближе стали накрывать, километров восемь. Там как раз выезд на трассу с этого профиля.

БОЦМАН. Как-нибудь.

ГЛИНА. Ты точную нашу диспозицию в штаб отправил?

БОЦМАН. Поучи меня ещё. Точку они зафиксировали, а вот с исполнением у нас сам же знаешь как. Штабные с утра бензовоз на правый фланг отправят по привычке, а про нас забудут. И будем куковать до вечера. И молиться, чтобы дорогу эту не обрезают. Видишь, как еретики придвинулись.

ГЛИНА. Перекрестись. Мы год назад в полукотёл попали под Токсно, я потом три месяца заикался.

БОЦМАН. Контузило?

ГЛИНА. Не знаю, в медпункт не ходил. Засыпало, стена обрушилась. Синие уже на нашу позицию вышли, я их голоса различал из-под завала. Думаю, кирдык тебе, Глина, сейчас они дальше пройдут, а потом их жандармерия тылы зачистит и вынет нас за ушко да на солнышко. А там уж у них с нашим братом разговор известный: офицеров ещё в допросную примут, а таким как мы прямая дорога в петлю. Помнишь, они виселицы на том берегу каждую ночь обновляли пленными? Так ещё и переломают всего перед тем - мне капрал из телевизионного взвода такого понарасказывал: им политцерковь всю фронтную сводку преступлений той стороны каждое утро сбрасывает.

БОЦМАН. А ты и уши развесил. Про информационное прикрытие слышал? Политпоп врёт, как только рот открыл. Закрыл - опять честный человек. Как отскочили-то?

ГЛИНА. Да соседи навалились, в контратаку сбегали. У них там ротный свежий тогда пришёл, геройствовал... А не скажи, еретичность она еретичность и есть. На сайте батальонного прихода отдельное видео висит об изменении мозга у всех, подвергаемых еретической пропаганде. Там прямо факты показаны, как поэтапное озверение происходит у крамольников, которые в еретиков обращаются. Вначале мозжечок разжижается, потом кора головного мозга деревенеет. Оттого они такие оголтелые и становятся, а дальше уж прямая дорога в еретики. А те, сам знаешь, фашисты конченые. Целый доктор медицины объяснял, в халате.

БОЦМАН. То-то ты фашистку сегодня разносолами потчевал.

ГЛИНА. Приказ есть приказ. Нет, так-то еретичка справная, вон как отплясывала.

БОЦМАН. Стал бы?

ГЛИНА. Совсем ты уже.

БОЦМАН. Не, ну а чего? Женское тело, оно, говорят, мягкое, тёплое. Самое то в такую погоду.

ГЛИНА. Только после тебя.

БОЦМАН. Вернёмся, возьмём увольнительную - и в бордель с девками. А, Глина?

ГЛИНА. Да уж, развлечёмся от души.

Смеются, но недолго, поскольку над головами вдруг пролетают реактивные снаряды противника. Ложатся много ближе прежнего, небо озаряется яркими вспышками.

ГЛИНА. Ого. Не нравится мне это.

БОЦМАН. Господь милостив.

Оба крестятся, глядя в небо.

Спаси и помилуй, спаси и помилуй, спаси и помилуй.

ГЛИНА. Ты звёзды когда последний раз видел?

БОЦМАН. Не соврать бы, под Ярмином ещё. Говорят, там на Южном фронте этот выброс и случился, который мглу из земли поднял в небеса. Политпопы, ясен конь, с тех пор блажат, что за еретиков Господь темень людям ниспослал. А я думаю, наши что-то подорвали совсем уж непотребное на полигоне том закрытом. Ну, на Красном, ты знаешь.

ГЛИНА. Молчал бы ты про это лучше, за умного сойдёшь. Уши везде есть, донесут про такой разговор за милую душу. Определят к штрафникам в адскую роту, там вволю наговоришься.

Из дома выходит ОФИЦЕР.

ОФИЦЕР Что-то тут, Боцман, шумно становится.

БОЦМАН. Стреляли.

ОФИЦЕР. Почему оба не спите?

ГЛИНА. Не спится, господин офицер.

ОФИЦЕР. У тебя же в хате глаза слипались. Смотри, заснёшь завтра за рулём, я тебя в пехоту сошлю.

ГЛИНА. Не засну. Мы завтра быстренько до дома, противоснарядным манёвром - вжик, вжик, вжик.

ОФИЦЕР. Ты так вчера баранку крутил, когда за кошкой здесь гонялся.

ГЛИНА. Не ушла же. А все кошки тут заражённые специальным боевым вирусом, их уничтожать - богоугодное дело. На политзанятиях поп третьего ранга рассказывал.

ОФИЦЕР. Ладно, гляжу, непонятные дела на передке творятся. Выйди на Часовню, Боцман, узнай обстановку, про бензовоз напomini. Не нравится мне всё это. До утра не беспокоить, прокляну.

БОЦМАН. Слушаюсь.

ОФИЦЕР напоследок вновь осматривает полыхающий горизонт, уходит.

ГЛИНА. Проклянёт он.

БОЦМАН. Заткнись.

ГЛИНА. А главное, еретики сейчас на препаратах каких-то особенных, мне фельдшер заезжий из медсанбата рассказывал позавчера в столовой. Потому они и долбят артой днём и ночью, им спать вообще теперь нужды нет. И озверение у них сплошное от этого. И фельдшерам же по трибунальному уставу положено на каждом костре присутствовать. Так он говорит, что каждой второй аутодафируемый нынче горит зелёным пламенем, понял? Ну как, пламенем - нет-нет да и мелькнёт над искупляющим зелёный огонёк. Раньше не было такого, говорит, вот два месяца только как началось. Святой истинный крест.

БОЦМАН. Где ты только таких психических идиотов находишь. И верит им, главное.

ГЛИНА. Да ты сам посуди: полночи уже прошло, а они садят и садят. Когда такое было? Раньше и еретики по ночам спали ведь.

БОЦМАН. Проверим сейчас, что там в штабе про твоих зелёных друзей нам расскажут.

Садится в бронемашину. Не закрывая дверцы, включает рацию. ГЛИНА стоит рядом, слушает.

Часовня-три, Часовня-три, ответь Гвоздике-два. Часовня-три, ответь Гвоздике-два. Часовня-три, Часовня-три... Кто это?.. Хмурый? Хмурый, это Боцман. Про бензовоз напони с утра зампотеху... Что значит, Фикса дежурному передаст? Приеду, всем вам, передастам, выпишу, прости мя, Господи... Сам, понял? Лично, понял?.. Вот и хорошо. Что там за война у вас нынче такая громкая?.. На Скерницу идут? Да ладно... А разведка что?.. Ясно. Молебен? Ишь ты... Ну, пусть. Про бензовоз не забудь. Отбой.

ГЛИНА. Ну?

БОЦМАН. Да хрен поймёшь. На Скерницу вроде прут, и браво прут, судя по всему. Полковой молебен завтра провести приказ вышел. Я забыл уже про такое, с прошлогоднего отступления никаких молебнов не было. Не нравится мне всё это. Офицеру бы надо доложить.

ГЛИНА. Он тебя выкрошит и высушит. Сам слышал: не беспокоить, проклянёт, а потом в пехоту спишет. Хочешь в окоп? И я не хочу.

БОЦМАН. Ну, не знаю. Дело такое.

ГЛИНА. И потом, бензина нет? Нет. Что толку докладывать? Все равно никуда отсюда не тронемся, даже если Святой Августин прикажет. Всяко бензовоза ждать придётся. А где от нас эта Скерница, далеко?

БОЦМАН. Километров тридцать на север. Её соседи всё лето штурмовали, только в октябре взяли.

ГЛИНА. Это который легион, Апостольский?

БОЦМАН. Нет, орденов Красной Звезды и Первого Причастия гвардейский мотострелковый имени Томаса Торквемады.

ГЛИНА. Так у меня в Торквемадском одноклассник же служит каптернамусом при информационной роте. Вот там, скажу я тебе, у них весь расклад по тайным еретическим технологиям имеется, что ты. Мы с ним летом встретились на побывке, он мне такого рассказал, что тебе ни в одном телевизоре не доложат.

БОЦМАН *(усмехается)*. Например?

ГЛИНА. Например, про чёрный звонок.

БОЦМАН. Какой звонок?

ГЛИНА. Так ты слушай. Чёрный, я ж и говорю. Сидишь ты, например, дома, картошки нажарил, пиво пьёшь с воблой и тут тебе звонят. Ты телефон берёшь, отвечаешь по форме: «Сержант Боцман слушает». А там музыка натуральная, понял? И мелодия у ней такая «та-та-та-там, та-та-та-там». *(Воспроизводит начальные такты бетховенской «Симфонии Судьбы».)* Тут у тебя, значит, всё деревенеет, и никак уже звонок не сбросить. «Та-та-та-там, та-та-та-там!». И громче, и ещё громче, а ты уже весь такой в просрации...

БОЦМАН. В прострации.

ГЛИНА. Ну. Ни рукой, ни ногой не шевельнуть, только музыка эта нечеловеческая тебе мозг выедаёт, понял? А потом голос тихий, но страшный: «Отрекаешься ли ты от Господа нашего Иисуса Христа?». И никак тебе уже не уйти от ответа. А ответ возможен единственный: «Отрекаюсь». Не было ещё человека, который не отрёкся бы, не ушёл бы от Врага извечного. И как только отречёшься, засмеётся трубка сатанинским смехом вот так вот: «Ха. Ха. Ха». И отпустит тебя. Ты телефон положил, морок с себя стряхнул и вроде дальше жить продолжаешь как прежде: пиво это, например, с воблой пьёшь. А всё, душа-то твоя уже переметнулась, и мысли еретические в голову лезут: а не взорвать ли мне машину бургомистра, к примеру? Потому что свобода воли и другая прочая гордыня, понял? И пропал ты, самым последним еретиком сделался. Вот через такой звонок они ряды свои пополняют, через технологии бесовские.

БОЦМАН. Так почему звонок чёрный-то?

ГЛИНА. А я не сказал разве? Все кто его принимают, лицом чернеют, взгляд у них в одну точку упирается и отвлечь их от мобильного нет никакой возможности. Один только случай был, когда отец сыну руку с телефоном отрубил во время такого звонка, понял? Ничего, обошлось: он ему жгут сразу и скорая быстро приехала. Так душу сына и спас, но это случайная история, редкая. Потом-то, как уже отрекутся, чернота с лица сходит, конечно. Живут сатанисты меж нас как нормальные люди, а душа - всё, тью-тью, поминай как звали. А ты говоришь.

БОЦМАН. Я говорю, спать иди, праведник вислоухий. Затихло пока вроде. Через три часа подниму, сменишь меня.

ГЛИНА. А я за душевном разговором и забыл, что спать хотел. Вечно с тобой так. Пойду. Остаёшься тут за старшего, не шали у меня.

ГЛИНА уходит в машину, БОЦМАН смотрит в небо, крестится.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

В дальней комнате дома на кровати лежит ДЕВУШКА со связанными руками, МАЛЬЧИК сидит на диване.

ДЕВУШКА. Чего ты на меня смотришь?

МАЛЬЧИК. Ты красивая. Как мама.

ДЕВУШКА. Была красивая да вся вышла.

МАЛЬЧИК. Куда вышла?

ДЕВУШКА. Неважно куда, важно что вся.

МАЛЬЧИК. Вот и мама вся.

ДЕВУШКА. Умерла мамка-то?

МАЛЬЧИК. Ага.

ДЕВУШКА. Ладно, не один ты такой. Время выпало нам подлое, горькое. Пройдёт оно, конечно, когда-нибудь. Только маму твою не вернёшь, да и солнце неизвестно вернётся ли, сколько уже мгла эта стоит. Натворили делов инквизиторы.

МАЛЬЧИК. Деда говорит, лето всё равно будет. Мы летом выставку повесим на заборе, я много ещё чего нарисую.

ДЕВУШКА. Рисуй, малой, рисуй. Всё фиксируй, что видишь. Пригодится потом.

МАЛЬЧИК. Вот и деда мне тоже самое: и Котика рисуй, и Пёсика. И тебя тоже нарисую, как ты пела сегодня и плясала. Красивое.

ДЕВУШКА. Понравилось?

МАЛЬЧИК. Очень.

ДЕВУШКА. Ну и хорошо. Хоть кому-то напоследок понравилась.

МАЛЬЧИК. Ты не можешь не нравиться, ты хорошая.

ДЕВУШКА. Могу, малой. Могу не нравиться одному человеку.

МАЛЬЧИК. Это плохой человек?

ДЕВУШКА. Нет, это хороший человек. Самый лучший. Но ему нравлюсь не я, совсем не я. Он и в сторону мою не смотрит. А зачем мне это всё вокруг, если он не смотрит? Других замечает, а меня нет. Вот представь, что ты сейчас здесь есть, я на тебя смотрю - и не вижу. Стенку за тобой вижу, а тебя - нет.

МАЛЬЧИК. Значит, я в шапке-невидимке.

ДЕВУШКА. Вот и я. В шапке.

Входит СТАРИК.

СТАРИК. Ты почему не спишь до сих пор?

МАЛЬЧИК. Потому что я в шапке-невидимке и меня никто не видит.

СТАРИК. Я же вижу.

МАЛЬЧИК. Ты не считаешься, ты мой дед. А она не видит. Спроси у неё.

СТАРИК. Не у неё, а у девушки. Учись правильно с людьми разговаривать. Вам, милая, может воды принести? А мальчик пусть поспит, рано ему ещё в наши взрослые дела. Хорошо?

ДЕВУШКА. Ладно. Только он сам с разговорами. Нет, пусть спит, конечно.

СТАРИК. Вот и славно. Так воды принести?

ДЕВУШКА. Ты б развязал меня лучше. А, дед?

СТАРИК. Вы же понимаете.

ДЕВУШКА. «Всяк крамольник, замеченный в пособничестве еретикам, подлежит пытке на дыбе с конфискацией имущества и последующей люстрацией». Судебное Уложение, параграф третий. На всех столбах развешано. Понимаю, чего уж. Это я так, на всякий случай. Офицер в доме?

СТАРИК. Караул вышел проверить. Я вас, милая, развязывать не стану, но всё у вас будет хорошо, поверьте.

ДЕВУШКА. Дед, ты вроде на попа не похож. Ну чего ты мне втираешь? Я же не пацан твой несмышлёный.

МАЛЬЧИК. Дедушка никогда не втирает. Если он говорит, так и будет.

СТАРИК. И всё же очень прошу поверить на слово, обещаю вам со всей серьёзностью.

МАЛЬЧИК. Деда, я тебя люблю.

СТАРИК. И я тебя. А теперь спи, пожалуйста. И вы спите. Спокойной ночи.

СТАРИК уходит.

ДЕВУШКА. Хороший у тебя дед. Городские вы, из интеллигентов?

МАЛЬЧИК. Я не знаю.

ДЕВУШКА. Ну и ладно, меньше знаешь - крепче спишь. И ты давай спи. Дед вон сердится на меня.

МАЛЬЧИК. Он не сердится, он добрый. А ты сказку мне расскажешь перед сном?

ДЕВУШКА. Сказку? Нет, не знаю я сказок.

МАЛЬЧИК. Про шапку-невидимку, которую ты раньше начала.

ДЕВУШКА. Про невидимку, значит. Ладно, слушай. Только сразу глаза закрывай. Закрыл?

МАЛЬЧИК. Закрыл.

ДЕВУШКА. Ну вот, стало быть, жила-была шапка-невидимка.

МАЛЬЧИК. Шапка жила?

ДЕВУШКА. В смысле, девочка жила, а у неё была шапка. Шапка как шапка, вязаная такая, серая. Как зима приходила, она её надевала. Пока новая была, так очень нарядная: мужики оборачивались, языками цокали. А девочка гордая ходила, фу ты ну ты, ножки гнуты, проходи, не задерживайся, шею свернёшь.

МАЛЬЧИК. А почему они девочку видели, если она в шапке?

ДЕВУШКА. Потому. Потому что шапка была тогда вовсе не волшебная, а просто красивая, из бутика городского. Ты спи лучше давай. Так вот, носила она эту самую шапку три зимы и три лета. Потом девочка выросла, шапка поистрепалась, а новую уже не купишь: как раз Инквизиция началась, какие уж тут шапки.

МАЛЬЧИК засыпает и видит сон.

СОН МАЛЬЧИКА

Диван с МАЛЬЧИКОМ освещается тёплым нежным светом. Звучит пение птиц, вдали слышатся отзвуки городской жизни: движение машин, лязг трамваев, смех ребятишек на детской площадке.

На диван подсаживается МАМА, гладит мальчика по щеке, зарывается носом в его волосы, тихонько дует в глаза.

МАМА. Просыпайся, малыш, пора. Вставай, милый.

МАЛЬЧИК. Не хочу.

МАМА. А ты захоти.

МАЛЬЧИК. Не захочу.

МАМА. А у кого сегодня день рождения?

МАЛЬЧИК (*садится на диване*). У меня? У меня, у меня, у меня!

МАМА. А у кого день рождения, тому что полагается?

МАЛЬЧИК. Подарок! Мне полагается подарок!

МАМА. Конечно. Конечно, тебе полагается подарок. А какой, как ты думаешь?

МАЛЬЧИК. Ружьё! Бах! Бах! Ба-бах!

МАМА. Ну нет, какое ещё ружьё, зачем? Ты у меня никогда ни в кого не станешь стрелять. Ты вырастешь смелым и сильным безо всякого ружья. Оружие, малыш, нужно слабым, тем кто в себя не верит, кто не может без него добиться любви от других. А я тебя люблю просто так, и папа тебя просто так любит, и дедушка. Потому что ты самый лучший ребёнок на свете. И не нужно нам никакого ружья, правда?

МАЛЬЧИК. Не нужно. А что нужно?

МАМА. А вот что.

МАМА кладёт на колени МАЛЬЧИКУ нарядную коробку, развязывает праздничную ленту, достаёт калейдоскоп.

Посмотри сюда, теперь покрути. Вот так, ещё раз.

Ярко освещённая часть комнаты вспыхивает разноцветными вертящимися кристаллами.

Это называется «калейдоскоп».

МАЛЬЧИК. Калидаскоп.

МАМА. Ка-лей-до-скоп. Нравится?

МАЛЬЧИК. Да, нравится. Спасибо, мама.

МАМА. А поцеловать? Вот и хорошо. Но это не главный подарок, малыш.

МАЛЬЧИК. Да? А какой главный?

МАМА. А главный подарок у нас с тобой приехал... Откуда приехал?

МАЛЬЧИК. Не знаю, откуда. Кто приехал?

МАМА. Смотри сам.

В круге света возникает неясный тёмный силуэт, приближающийся к МАЛЬЧИКУ.

МАЛЬЧИК. Папа?

Гаснет яркий свет. МАЛЬЧИК громко вздыхает, переворачивается на другой бок.

ДЕВУШКА. А потом он мимо проходил и по голове меня потрепал, как щенка какого: «Не грусти, чернявая, прорвёмся». И ладонь у него знаешь какая была? Твёрдая и горячая. И сейчас как вспомню, так лицо пылать начинает. И внутри такое тепло становится, стыдное. Ладно, рано тебе ещё. Только я бы за то чтобы он меня этой рукой всю погладил что угодно бы отдала. Только один раз. И всё, и не надо мне больше ничего.

А потом в другой раз уже, за рекой ещё дело было, вошли мы в посёлок один, а там гитара нашлась в блиндаже инквизиторском - они много чего побросали: и журналы разные похабные, и пиво баночное нашлось, и гитара вот. Так значит, считай, весь второй взвод туда набился, и эта, значит, фря штабная с маникюром пришла. Ну, пиво же, да картошки с трофейными консервами наварили, тепло, уютно. А я чумазая, слышь, - в зеркало-то глянула, страх божий. Вышла наружу, снегом отёрлась мало-мало, вернулась, а мне гранатомётчики машут: продвигайся сюда поближе к столу, и целую миску картошки наложили уже. И я так получилось, что прямо вот напротив него устроилась, смешалась вся, аж ложка в рот не лезет. А он гитару, слышь, понастраивал и целый концерт закатил. А голос у него, что ты. И ребята, считай, каждую почти песню подхватывают, и фря эта тоже. Она вот так от меня сидела, наискось. И он на неё нет-нет да и глянет, а на меня ни разу, хоть я почти нос к носу с ним. Ну так я ж их песен городских не знаю, вот и шапка-невидимка, значит, на мне. И тут он такую интересную запел, а все молчат, никто ничего. Я запомнила даже оттуда: «до свиданья, малыш, я упал, а ты летишь, вот и ладно, улетай, в рай». И ещё там что-то такое. Нет, ты не думай, песня отличная, красивая. Это у меня ни слуха, ни голоса.

Ну а вчера я за стеной сидела, а там какая стенка, название одно, вся полуразрушенная от прилётов. Слышу, ротный нашему взводному задачу ставит: разведку скрытную провести в деревне, что на левом фланге, и прокламаций там расклеить на случай, если отходить будем: политотдел распорядился, прислал листовок пачку, чтоб им провалиться. Кого пошлешь, спрашивает. А наш и отвечает: его, больше некого, он и самый толковый, и опытный. А куда ему? Он третий день простывший воюет, в жару весь, я же не ротный, я всё вижу. Ну и взяла прокламации украдкой, на позиции в нос их сержанту сунула: гляди, в разведку меня командир отправил, особое доверие оказал. Так я два раза уже в разведке была, с группой, правда, ну так что ж,

поверил. Пропустили, сказали прикроют, если что. А как тут прикроешь, если я на километр от своих упорола. Три листовки осталось развесить, а на четвёртой меня эти чёрные и взяли, пикнуть не успела. Там и не было никого на всей нейтралке, откуда их чёрт принёс, не знаю.

Так что была у меня шапка-невидимка, да кончилась в самый лихой момент.

Война, малой, ничего не попишешь. Там малина в огороде росла, старых ягод с листьями ему нарвала, чтобы прогрелся с кипятком, жар сбить. Ну да ничего, как-нибудь. Может, слышь, хоть эта фря догадается его к фельдшеру отправить. Пусть бы отправила.

Ты спишь ли, малой? Ну, спи. Такая тебе сказочка вышла про шапку-невидимку. Спасибо, что послушал. Спи.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ СЦЕНА ПЕРВАЯ

Начальная комната. На лежанке спит СТАРИК, отвернувшись к стене. На полу лежит каремат с положенным сверх него растёгнутым спальным мешком. С улицы входит ОФИЦЕР, подбрасывает дрова в буржуйку, садится за стол, долго смотрит на отблески огня в печи.

ОФИЦЕР. Спишь, отец?

Пауза.

Когда Бремки сдали, откатились за реку, закрепились кое-как. Держались зубами из последних сил, резерва ждали. Похоронные команды не справлялись, в медсанбате хирурги под открытым небом оперировали. Вот оттуда сигнал и поступил: ваш, похоже, клиент, говорят, забирайте, мы его подлатали на скорую руку, у нас каждая койка на счету. Приехал. Начштаба привёл в первую хирургию, предъявляет: а там пацан на вид пятнадцатилетний, худой, без ступни уже, но смотрит дерзко, нехорошо. И рюкзачок его передаёт с планшетом найденным. Гаджет на палец запаролен был по глупости: пока оперировали, отпечатком и попользовались, открыли. Все позиции левого фланга снял, гадёныш, очень грамотно на карте пометил - и фортификацию, и ракетную батарею, и танковый батальон, и штаб, и медсанбат этот. Понятно что отправил информацию своим давно уже, но то ли поленился файл стереть, то ли надеялся дополнительные разведданные позже на карту нанести, да подорвался на противопехотке случайно. В общем, на медленное аутодафе по полной заработал. «Оформляйте, - говорю начштабу, - забираю. И наградные можете себе выписывать за бдительность». Пока бумаги готовили, ждал у КПП, дальше планшет листал. Больше ничего серьёзного там не было, - в основном, фотографии мирные: то пацан этот с родителями, то с девушкой какой-то, но чаще всего он с кошкой снимался, большой такой, пушистой, рыжей. Такие друзья, прямо не разлей вода.

Вывели его, расписался, запахнул в машину, поехали. Я один тогда мотался по фронту, бойцов временно на передовую сняли, вот и здесь едем с ним вдвоём. Он шеврон же видит, понимает, что контрразведка. «Об одном, - говорит, -

жалею». А мне смешно: «Знаю о чём. Что гранаты у тебя нет, чтобы нас обоих к Господу Богу сейчас отправить. Все вы об этом мечтаете». Он так подумал немножко и говорит: «Да, и это неплохо бы. Но мне всё же больше Джулю жалко. Кошка моя, да вы видели наверняка в планшете». «Больше себя?» - спрашиваю. «Больше, - спокойно так отвечает, не на нерве. - Чего мне себя жалеть, я и так уже третий раз за линию фронта сходил, мало кому и на второй удаётся вернуться. А Джулька одна в хате осталась, сдохнет». «Оба и встретитесь на небесах, - говорю. - Ты уже на костре от грехов очистишься, вот и допустят тебя сразу к Джуле твоей». «Ладно, - отвечает. - Верю». Потом по нужде запросился, запрыгал на костылях к обочине. И вдруг жалко мне его стало, что ли. Не знаю как даже и объяснить. Озарение какое-то снизошло или, не знаю, затмение. Оправился он, обернулся к машине возвращаться. «Или лучше тебе пораньше на небеса, чтобы кошку там сам уже встречал?» - спрашиваю. И он сразу такой: «А можно? Я готов». «Можно, - говорю. - Господь милостив». И выстрелил в сердце. С трёх метров сложно промахнуться. И то: что он там ещё мог у нас рассказать, только дознавателей от серьёзного дела отвлекать. Ну а ему от земных костровых мук спасение, а там наверно и без меня разберутся, кого куда релоцировать. Вот только спать с тех пор боюсь. И не пацан этот во сне приходит, я и имени его не знаю. А кошка Джуля мстит в кошмарах разных. Считай, через ночь является. Сегодня сквозь вашу деревню ехали, Глина на дороге за кошкой погнался, раздавил, конечно. Раньше бы я ему за это руки бы поотрывал, а нынче ничего, годно. Может отпустит меня.

СТАРИК садится на лежанке.

СТАРИК. Чёрный такой, с белой грудкой?

ОФИЦЕР. Кто?

СТАРИК. Кот, которого вы переехали.

ОФИЦЕР. Не помню. Кажется.

СТАРИК. Наш это был, второй день как запропастился. Котиком звали... Мальчику не стоит говорить, не нужно.

ОФИЦЕР. Я не знал, что у вас Котик.

СТАРИК. Он ещё за рекой его подобрал, я и не заметил поначалу. Друзья они были, вот как убитый ваш подросток с его Джулей, а вчера убежал куда-то Котик, потерялся. Так он и раньше, бывало, пропадал дня на два, всегда возвращался. Но что уж теперь.

ОФИЦЕР. Помотало вас по войне, судя по всему.

СТАРИК. Как и всех нынче. Живые, грех жаловаться.

ОФИЦЕР. Да, война.

СТАРИК. Да.

ОФИЦЕР. Но ведь могли же в Городе остаться, как я понимаю. Жили бы, горя не зная, при новой власти. Многие же остались, большинство. Хотя бы ради ребёнка.

СТАРИК. Нет, не могли. Вы меня простите, господин офицер, но я хотел бы ещё поспать. Стариковский сон краток, но тревожен, нужно пользоваться возможностью. Так что, прошу прощения. Спокойной ночи.

СТАРИК вновь укладывается на лежанку, отворачивается к стене. ОФИЦЕР снимает китель, подбрасывает в печь полено. Разуваётся, носки развешивает на спинку стула, протягивает ноги к буржуйке.

Пауза.

ОФИЦЕР. Может поговорим всё же, отец? Не время спать, война.

СТАРИК *(не поворачиваясь)*. Утром, с вашего позволения.

Пауза.

ОФИЦЕР. Она так и сказала: «Нам с ним надёжнее будет». Повернулась и ушла, даже не попрощалась. Идёт такая лёгкая, быстрая, и у неё брезгливость ко мне прямо по походке видна, по спине уходящей. И ничего уже сделать невозможно, совсем ничего. Тут такая стена выросла, что не пробить её, не подкопаться, не перепрыгнуть. И я понимаю, что всё уже сказано, что выбор сделан - окончательный, беспросветный. Что теперь мы безусловные, последние враги на всю оставшуюся жизнь. И кому той жизни больше отмеряно, кому меньше - не нам решать. Я-то был уверен, что мне с этой бедой совсем недолго на войне маяться, Господь приберёт, освободит, а случилось наоборот. Мне жаль. Мне очень и очень жаль. Ты же всё равно не спишь, отец? Вставай, у меня ром есть. Выпьем, поговорим.

ОФИЦЕР достаёт из сумки бутылку, с громким стуком ставит её на стол. Шумно открывает шкаф, выставляет рядом с бутылкой два стакана, наливает в них ром.

Мне нужно поговорить, я не могу больше молчать, я хочу вернуть всё назад! Вставай же!

СТАРИК *(не оборачиваясь)*. Нет.

ОФИЦЕР. Ладно, отец, пусть так. Обычная история: зачем говорить, когда можно молчать. Давай молчать дальше.

ОФИЦЕР крутит в руках стакан с ромом, чокается с другим стаканом, продолжает вертеть свой, ставит его обратно на стол.

Помнишь, я украл в магазине коробку с солдатиками? Мне мама потом долго объясняла всю низость моего проступка. Она это умела, я с тех пор чужого снега пригоршни не взял. А ты? Ты подошёл, взял меня за подбородок, посмотрел в глаза и сказал: «Солдатики? Пошлость какая». И всё, и ушёл. Не знаю, может это и сильнее сработало, не знаю. Но мне важно было тебя услышать, чтобы ты всё разложил по полочкам, чтобы ты меня убедил, чтобы я тебе поверил. А ты ушёл. И всегда потом уходил. Ты считал библейские заповеди, заповеди гуманизма настолько очевидными и непреложными для любого человека, что не снисходил до их толкования неразумным. Ты просто обходил неразумных стороной, как потом и меня, уверовавшего в принципы Инквизиции. Вот и дообходились, чистоплюи. «Ты взрослый человек, - сказал ты мне, двадцатилетнему романтику-губошлёпу. - Ты взрослый человек и тебе с этим жить». И вот я с этим теперь живу, а она уже не живёт, и мой сын живёт с тобой в грязи и нищете. И ты хотел для всех нас именно такой жизни? Поговори же со мной, наконец! Молчишь. Ну да, верность обету для тебя важнее человека. Всё ради принципа, ради принципов, которые важнее сострадания. Хорошо, будем спать.

ОФИЦЕР залезает в спальник.

Пауза.

СТАРИК встаёт с лежанки, садится за стол.

СТАРИК. Вставай.

ОФИЦЕР садится за стол напротив СТАРИКА.

Я помню тот случай с солдатиками. Я всё помню, сын, всю твою жизнь с нами. Если бы не помнил, давно бы тебя простил. Но я помню.

ОФИЦЕР открывает дверь на крыльцо.

ОФИЦЕР. Кто на посту? Боцман, Глину ко мне, срочно.

ОФИЦЕР садится обратно за стол.

Ну-ну. Дальше.

СТАРИК. Всё. Нам не о чем говорить. Я тебя не простил.

ОФИЦЕР. Но ты со мной заговорил. Ты меня признал.

СТАРИК. Нет, ты по-прежнему для меня никто, зеро, чужой офицер вражеского войска. Но я вспомнил про одно обстоятельство...

Стук в дверь. Входит ГЛИНА.

ГЛИНА. По вашему приказанию, господин офицер.

ОФИЦЕР. Котика задавил вчера, помнишь?

ГЛИНА. Так точно. Уничтожил биологическую опасность согласно морально-веровательного устава.

ОФИЦЕР. Это был их Котик.

ГЛИНА. Я ж не знал, я по уставу.

ОФИЦЕР. Три шага вперёд, напра-во!

ГЛИНА исполняет приказ, оказывается напротив СТАРИКА.

На колени!

ГЛИНА встаёт на колени.

Руки целовать, просить милости!

ГЛИНА (*ищет руки СТАРИКА*). Простить покорнейше... Кабы мне знать...
Нижайше... Помилуйте... Век Господа молить буду...

СТАРИК (*спрятав руки*). Не стоит, солдат. Всё в порядке. Бог простит, а я уже простил. Вставайте, вставайте.

ОФИЦЕР. Встал смирно. Завтра в окопы пойдёшь, сволочь. Вон!

ГЛИНА выходит.

Всё что могу. Всё что могу.

СТАРИК. Что же ты с собой наделал, сын? Как же так получилось?

ОФИЦЕР. Твоими молитвами, отец, твоими молитвами.

СТАРИК. Я не мог за такое молиться, никак не мог просить Создателя сделать из тебя зверя.

ОФИЦЕР. Это война, отец. Да, я зверь. И этот Глина, это отребье человеческое, как и любое другое отребье на нашем участке фронта, знает что я зверь, в котором нет ни участия, ни жалости ни к чужим и ни к своим. И если бы я сейчас приказал Глине во искупление отрезать себе палец, он бы исполнил без малейшего сомнения в справедливости приказа. Потому что лучше потерять палец, чем занять пулю в голове. А пулю я бы ему обеспечил моментально, и он это прекрасно знает. На войне нет места жалости, только приказу и порядку. Кто допускает жалость в сердце, тот обязательно проигрывает. И потому побеждаем мы, а не вы.

СТАРИК. Серьёзно?

ОФИЦЕР. Перестань. Ты прекрасно понимаешь, что ваш нынешний успех всего лишь досадная частность. Которая, кстати, доказывает, что и в ваших рядах есть место приказу, порядку и вынужденной жестокости. Вы такие же как мы, только зачем-то отказываетесь в этом признаться. Но я о другом хотел с тобой говорить.

СТАРИК (*устало*). Говори.

ОФИЦЕР. Она обо мне вспоминала?

СТАРИК. Нет.

ОФИЦЕР. Я не верю.

СТАРИК. Ты записался в Легион, потом Легион разбомбил её театр и казнил её семью. Не верь.

ОФИЦЕР. Но у сына должен быть отец.

СТАРИК. Мальчик верит, что он есть. Где-то далеко, там где свет, солнце и справедливость.

ОФИЦЕР. У еретиков.

СТАРИК. Он, слава богу, пока не мыслит в этих категориях. Он знает, что его папа большой, сильный и добрый человек, который не убивает ни людей, ни котиков.

ОФИЦЕР. И что ты ему скажешь потом, после войны?

СТАРИК. Что его отец отдал свою жизнь за свободу. Ему легко будет это принять, когда мало кто сможет похвастаться живыми отцами.

ОФИЦЕР. А если победим мы?

СТАРИК. Мёртвое не может победить живое.

ОФИЦЕР. Чем же мы мертвее вас?

СТАРИК. Не будем. Ты всегда был неглупым мальчиком и отлично всё понимаешь сам.

ОФИЦЕР. Обычная история: если нужно объяснять, то не нужно объяснять. Я вырос под эту твою высокомерную формулу. Но может быть, снизойдешь хоть раз в жизни, попытаешься убедить меня в своей правоте? А вдруг я её приму? Вдруг ты сможешь изменить мою картину мира? Вдруг я снова стану для тебя человеком, а не нулём?

СТАРИК. Хорошо, малыш, давай попробуем.

ОФИЦЕР. Как, как ты меня назвал? Малыш? *(Смеётся.)* Вот бы Боцман с Глиной порадовались за старшего офицера контрразведки.

СТАРИК. Очевидные вещи следует разъяснять лишь неразумным. Лучше всего малышам, потом поздно и бессмысленно.

ОФИЦЕР. Итак?

СТАРИК. Итак, главные скрижали вашей Инквизиции, как известно, «Перед Богом все равны» и «Бог есть порядок». То есть, ты на стороне Бога, порядка и равенства.

ОФИЦЕР. Конечно.

СТАРИК. Вся штука в том, что Бог - это беспорядок, и он не про равенство в вашем понимании. Бог - про любовь и больше ни про что. Инквизиция с самого начала сделала ставку на дьявольский план увлечения человека ложной идеей. А человек слаб, он всегда готов встать в строй себе подобных, чтобы идти к светлой цели, даже если это пустой и звонкий мираж. Не должны люди ходить строем, Создателю это не интересно, он ждёт от нас всякого копошения, поиска, метаний. Он ждёт, что человек сам через свои ошибки, свои дерзости, свой постоянный мучительный выбор между добром и злом придёт к Богу. Даже если не верит в него. Для этого не нужна единственно верная религия, церковные правила, деление мира на еретиков и крестоносцев. Он любит всех, независимо от цвета кожи, уровня ай-кью или сексуальной ориентации. И весь вопрос в том, любишь ли ты его, веришь ли ты ему истинно или веришь истово. Первая вера тиха и несуетна, для второй обязательен гром барабанов, крестные марши и клятвы на крови. Первые ничего не хотят от других, вторые требуют

признания и отречения, цензуры и поклонения, анафем и костров. И чем громче вера, тем она дальше от Бога. Правда в тишине, а не в барабанных маршах. Но ты выбрал барабан, а вместе с ним и всё остальное. Ты не выдержал испытания обаянием зла, а она выдержала. И она осталась там навсегда, а ты сейчас в той точке, куда пришёл в погоне за миражом добра. Там где убивают котиков, потому что они мешают убивать людей.

Как же я могу тебя простить, если сейчас ты ушёл много дальше от того уверенного в своей правоте неопита Нового Порядка, которого я вычеркнул из своей жизни? Тогда ты ещё был всего лишь адептом Инквизиции, а сейчас стал её воплощением. Вполне себе кровавым воплощением, похоже. Но это был твой выбор, и это моя вечная вина. У каждого свой крест.

ОФИЦЕР. Она осталась, потому что ты лил ей в уши яд смирения перед наступлением вселенской мерзости. Ты говорил, что храм Сцены важнее храма Церкви, что свобода воли важнее традиций предков. Это вы, вы были слабы, все те, кто смирился с низостью нового мира, кто сдался на милость богоотступников, уничтожающих мораль и духовность. Это вы бросили нас в эту войну, вы украли солнце, вы убили её!

СТАРИК. Ладно, пусть мы, если тебе от этого легче. На здоровье.

ОФИЦЕР. Вот и поговорили. Я знал, что тебя ненадолго хватит.

СТАРИК. А должно было? Твоя вера строится на твёрдых и простых, как вот этот рафинад, догматах, моя же вера извилиста и невнятна. Порядок всегда бьёт класс, как утверждали в мою пору футбольные специалисты. Признаю поражение, согласен.

ОФИЦЕР. Да какой, к чертям, порядок, какие догматы? Придумали себе. Ты бойцов моих, Боцмана и Глину, видел? Как они тебе?

СТАРИК. Станный вопрос. Но изволь: Глина человек простой, без затей, Боцман более органичен в своей сопричастности вашей идеологии. Впрочем, оба вполне бездумные, жестокие служители культа так называемых нравственных ценностей.

ОФИЦЕР. Содомиты.

СТАРИК. Что?

ОФИЦЕР. Содомиты они, геи, доны педро. В прямом, не иносказательном смысле.

СТАРИК. Надо же. Но как?

ОФИЦЕР. Да вот так. Всем плевать, кто ты и что из себя представляешь, лишь бы солдатом хорошим был. И мне плевать. Если вокруг сплошной грех убийства, то кому какое дело до остальных грехов? Афишировать не стоит, понятно, но и никто тебя за подобное на дыбу не потащит. Нет на войне места

догматам, есть только победы и поражения. А какой ценой будет добыта эта победа, всем наплевать.

СТАРИК. Тогда совсем плохи ваши дела. Мне казалось, что даже если нет цели, то хоть какая-то своя устойчивая норма есть у Инквизиции - пусть уродливая, пошлая, но которая успешно продаётся её adeptам, типа «Бог есть порядок». Но нет порядка в Датском королевстве. Буду знать, спасибо.

ОФИЦЕР. Конечную цель никто не отменял.

СТАРИК. Я как-то пропустил, что за цель? В чём будет заключаться ваша победа?

ОФИЦЕР. В создании единого духовного пространства на данной нам Богом территории.

СТАРИК. То есть, в создании клерикального государства, где нет места чужим верованиям, атеизму, нет места Глине и Боцману, нет места любым проявлениям простой человеческой свободы. Сплошные марши с барабанами во имя. Отрубание рук и побивание камнями. Крестовые походы против неверных. Мальчикам - строевые песни и кружки пулевой стрельбы, девочкам - уроки домоводства и санитарной помощи. Единоверие, помноженное не единообразие. Пошлость какая... Да, хорошо что мы сейчас о девочках. Я, собственно, в любом случае собирался завтра с тобой поговорить.

ОФИЦЕР. Да ладно? Прямо вот так взять и поговорить?

СТАРИК. Представь себе.

ОФИЦЕР. Трудно представить. Практически, завтра уже наступило. Говори.

СТАРИК. Я прошу тебя отпустить эту девушку.

ОФИЦЕР. Почему?

СТАРИК. Просто так, в качестве жеста доброй воли. Чтобы я понял, что в тебе не истреблено ещё окончательно всё человеческое. Она же по сути ребёнок. И ещё она очень понравилась твоему сыну. И потому что я тебя прошу.

ОФИЦЕР. Её взяли Боцман и Глина, а за всякого пленённого еретика у нас выплачивают пятьсот дукатов.

СТАРИК. Ты дашь им эти пятьсот дукатов.

ОФИЦЕР молчит, затем поднимает стакан с ромом, кивает на стакан СТАРИКА. Чокаются, выпивают.

ОФИЦЕР. Вряд ли это можно считать церемониалом примирения сторон.

СТАРИК. Вряд ли.

ОФИЦЕР. Нужно поспать хотя бы часа два. Давай ложиться, отец.

СТАРИК. Я могу надеяться?

ОФИЦЕР. Надежда никому ещё не мешала. Спокойной ночи.

ОФИЦЕР залезает в спальник. СТАРИК задувает коптилку и возвращается на лежанку.

Пауза.

ОФИЦЕРУ снится сон.

СОН ОФИЦЕРА

Пространство над столом освещается вечерним тревожным светом. За столом сидят МАЛЬЧИК и МАМА. МАЛЬЧИК пьёт из кружки, МАМА читает вслух.

МАМА. «Лают бешено собаки
в затухающую даль,
я пришёл к вам в чёрном фраке,
элегантный, как рояль.
Было холодно и мокро,
жались тени по углам,
проливали слёзы стекла,
как герои мелодрам...»

Вкусный сок?

МАЛЬЧИК. Нет, кислый. Дай ещё.

МАМА. Сейчас, подожди.

«...Вы сидели на диване,
походили на портрет.
Молча я сжимал в кармане
леденящий пистолет.
Расположен книзу дулом
сквозь карман он мог стрелять,
я всё думал, думал, думал —
убивать, не убивать?
И от сырости осенней

дрожи я сдержать не мог,
вы упали на колени
у моих красивых ног.
Выстрел, дым, сверкнуло пламя,
ничего уже не жаль.
Я лежал к дверям ногами —
элегантный, как рояль». (*)

Яблочного налить или вишнёвого?

МАЛЬЧИК. Не хочу. Ты зачем читаешь про какую-то рояль?

МАМА. Для работы. А рояль - это не она, а он.

МАЛЬЧИК. Как папа?

МАМА. Как папа. *(Смеётся.)* Только ещё лучше.

МАЛЬЧИК. Лучше папы ничего не бывает.

МАМА. Соображаешь.

За стол присаживается ОФИЦЕР.

ОФИЦЕР. Леденящий пистолет, значит? Врут всё эти поэты: вот, смотри.
(Достаёт пистолет, кладёт на стол перед МАЛЬЧИКОМ.) Никакой не леденящий.

МАМА. Нет. Я же просила.

ОФИЦЕР. Перестань, у нас пацан растёт, не кисейная барышня.

МАМА. Я же просила.

МАМА поднимается из-за стола, встаёт за спиной МАЛЬЧИКА. ОФИЦЕР достаёт из пистолета пустую обойму, вставляет обратно.

ОФИЦЕР *(показывает МАЛЬЧИКУ)*. Вот так заряжаешь, смотри. Потом предохранитель снять - и на спуск. Щёлк - и выстрел. Попробуй.

МАМА. Нет, он не станет пробовать.

ОФИЦЕР. Не слушай маму, держи.

МАЛЬЧИК. Не хочу. Соку хочу.

МАМА приносит сок, наливает в стакан МАЛЬЧИКА.

МАМА. Ему неинтересны твои игрушки, видишь? Убери.

ОФИЦЕР. Ладно. (*ОФИЦЕР прячет пистолет в кобуру.*) Наверное, правильно, рано ему ещё. Пусть лучше стишки твои слушает, хоть там тоже про пистолет. Никуда от него не денешься. Лучше обними меня.

МАЛЬЧИК. И меня!

МАМА обнимает обоих. ОФИЦЕР поднимает МАЛЬЧИКА на руки, и они все начинают раскачиваться в танце. Звучит песня.

*До свиданья, малыш.
Я упал, а ты летишь.
Ну и ладно, улетай
в рай.*

*Ничего, ничего,
мы увидимся ещё.
Я и сам, я и сам
назло врагам
буду там.*

Сон прерывается грохотом близких разрывов.

СЦЕНА ВТОРАЯ

В первой комнате МАЛЬЧИК и ДЕВУШКА сидят за столом, СТАРИК возится с чайником у печки. За дверью, выводящей на крыльцо дома, во дворе стоят ОФИЦЕР и ГЛИНА. У бронемашины БОЦМАН твердит в рацию: «Часовня-три, ответьте Гвоздике-два». Канонада войны звучит приблизившимся фоном.

ГЛИНА. А который нынче час, господин офицер?

ОФИЦЕР. Восемь тридцать две.

ГЛИНА. Светло уже: если опять дроны налетят, то уж точно накроют. И где этот бензовоз чёртот?

ОФИЦЕР. Не скули.

ГЛИНА. Слушаюсь.

ОФИЦЕР. Боцман?

БОЦМАН. Молчит Часовня, господин офицер.

ОФИЦЕР. Продолжай. Что с патронами, Глина?

ГЛИНА. Две пулемётных ленты, по четыре рожка к автомату. Два подсумка гранат.

ОФИЦЕР. Негусто. Ладно, как-нибудь.

ГЛИНА. Господь милостив.

ОФИЦЕР. Это он тебе лично сообщил?

ГЛИНА. Никак нет.

ОФИЦЕР. А я думал, тебе знамение было.

Из дома выглядывает СТАРИК.

СТАРИК. Чай готов, господин офицер.

ОФИЦЕР. Это хорошо. Глина, завтрак.

ГЛИНА уходит в дом, накрывает там на стол.

Как считаешь, Боцман, где оборону держать будем, если что?

БОЦМАН. Не хотелось бы. Магазин проезжали метров двести назад если. Кирпичный был когда-то, часть стен сохранилась, обзор на три стороны. Там можно.

ОФИЦЕР. Хорошо.

БОЦМАН. Но сколько мы тут продержимся, если они с бронёй подойдут? Минут пять, от силы десять. Я бы погреб какой поискал в доме, там пересидеть можно. Глина говорит, так спасся однажды.

ОФИЦЕР. А мирных этих куда ты денешь? Они же крамольники.

БОЦМАН. Известно куда.

ОФИЦЕР. А трупы куда? А бронемашину нашу куда спрячешь?

БОЦМАН. Виноват, не подумал.

ОФИЦЕР. Правильно, думать будешь, когда я прикажу. Связь мне дай, мыслитель.

Из дома выглядывает ГЛИНА.

ГЛИНА: Завтрак, господин офицер.

ОФИЦЕР. Пошли. Боцман: связь, связь.

БОЦМАН остаётся в машине, ОФИЦЕР с ГЛИНОЙ уходят в дом.

ДЕВУШКА. Смотри, малой, как инквизиция живёт: и тушёнка настоящая, и колбаса у них, и пряники к чаю. Знаешь пряники?

МАЛЬЧИК. Знаю. Я большой, я помню пряники.

СТАРИК. Даже я уже забыл.

ОФИЦЕР. Прошу к столу. Это вас тоже касается, девушка.

ГЛИНА (*Девушке*). Встала и пошла.

Все рассаживаются за накрытым столом. ОФИЦЕР, ГЛИНА и СТАРИК крестятся перед трапезой.

МАЛЬЧИК (*Девушке*). Я тебя вижу.

ДЕВУШКА. Молодец, глазастик.

МАЛЬЧИК. Тебя все видят. Никакая ты не прозрачная, а настоящая. И красивая.

ДЕВУШКА. Это я без шапки потому что.

ГЛИНА. А папка твой где, малец?

СТАРИК. Не стоит сейчас об этом.

ОФИЦЕР. Отчего же? Мне тоже интересно.

МАЛЬЧИК. Папа далеко, он плохих людей побеждает. Он самый сильный, сильнее деда, он про нас помнит. Он скоро уже придет, и мы будем все снова жить вместе в Городе: я, папа и дедушка. Только без мамы.

СТАРИК. Всё, ешь.

ДЕВУШКА. А эти люди, которые тебя сейчас пряниками кормят, они хорошие, малой?

ОФИЦЕР (*Девушке*). Теперь с вами. Мне, откровенно говоря, всё равно, из какого вы подразделения и кто у вас командир. Взяли вас с поличным, и чуть позже вы сами всё расскажете с максимальной степенью достоверности. Но у меня, так случилось, возникла некая этическая проблема, которую вы должны помочь мне разрешить.

ДЕВУШКА. Не буду я вам ни в чём помогать.

ОФИЦЕР. Будете, милая, обязательно будете. Тем более, что ничего предосудительного я от вас не потребую.

ДЕВУШКА. Знаю я, что вам потребовать нужно. Только попробуйте: всё вам там поотрываю, зубами глотки перегрызу, а не получите требуемого.

СТАРИК (*неизвестно кому, скорее всем*). Прекратите.

ГЛИНА (*смеётся*). Вот же ты дура.

ОФИЦЕР. Вынужден в данном случае согласиться с собратом Глиной. Послушайте, я задам всего два вопроса, которые никак вас не обяжут причинить умозрительный вред вашим боевым товарищам, но вполне могут решить вашу судьбу. Согласны? И не отвлекайтесь от завтрака, не стоит. У нас мирная застольная беседа.

ДЕВУШКА. Попробуйте.

ОФИЦЕР. Полагаю, вам известна история про мифологического Икара.

ДЕВУШКА. Какого ещё Икара?

ОФИЦЕР. Ясно. Вкратце, дело было так: жил на острове Крит некий мастер Дедал, который, в общем, был человеком так себе, но создавал уникальные изобретения по заказу владельца этого острова. В результате ему надоело работать в услужении, и он решился на побег. Склеил воском крылья из птичьих перьев для себя и сына своего Икара, строго предупредил того, чтобы не взлетал близко к Солнцу, и пошли они на рывок с острова. И тут паренёк этот, Икар, впервые познавший головокружение от истинной свободы, ослушался наставлений родителя и полетел не в эмиграцию, а прямо на Солнце. Финал печален: в близком приближении светило опалило Икару крылья, расплавило воск, и он погиб, рухнув в море. Дедал же благополучно завершил

побег, потеряв при этом сына. Внимание, вопрос: кто в этой истории вам более симпатичен - Дедал или Икар?

МАЛЬЧИК (*Старику*). А ты говорил, что Солнце тёплое и ласковое.

СТАРИК. Тише. Пей чай.

ДЕВУШКА. Благодарствуйте за завтрак. А насчёт байки, так чего тут сложного? Папаша всё правильно сынку объяснил, тот ослушался и разбился. Кто ж ему виноват? Дисциплину не для того придумали, чтобы её нарушать. Всё просто и понятно.

ГЛИНА. Дело говорит.

ОФИЦЕР. Замечательно.

СТАРИК (*Мальчику*). Запомнил миф? Бери карандаш и тетрадку, ступай в ту комнату, нарисуй мне историю про Икара.

МАЛЬЧИК. Ладно, пойду.

СТАРИК. А «спасибо»?

МАЛЬЧИК. Спасибо.

МАЛЬЧИК уходит.

ОФИЦЕР. Что ж, тогда вторая история. Случилась она давно, когда ещё был довольно глупый обычай стоять за свою честь, стреляясь на дуэлях. Вы, барышня, слышали про дуэли?

ДЕВУШКА. Не дурнее других, важных.

ОФИЦЕР. Отлично. Так вот, служили в полку два приятеля-офицера, один из которых устроил мелкую пакость, за что второй отвесил ему пощёчину. Вышла дуэль. Один выстрелил и промахнулся, а второй воспользовался обычаем того времени, оставив выстрел за собой в любое удобное для себя время. Отмщение за поруганную честь не имеет срока давности, и офицер несколько лет выжидал удобного случая. Наконец ему пришло известие, что давний его соперник-дуэлянт счастливо женился. И вот он явился к нему за спасением своего честного имени. Только что женившийся офицер, успевший позабыть о давнем приключении молодости, признал справедливость возмездного выстрела своего давнего врага и согласился встать под пулю. Так вот, чем бы вы завершили эту историю?

ДЕВУШКА. Убийством, чем тут ещё можно завершить?

ОФИЦЕР. Не знаю, жалостью, скажем. Прощением.

ДЕВУШКА. Не для жалости же он столько лет терпел. А долг всегда платежом красен: хочешь не хочешь, а плати. Раньше надо было думать.

ОФИЦЕР. Вот и славно. Глина, отведи девушку в комнату к мальчику, последи там за ней.

ГЛИНА. Слушаюсь. Может, связать снова?

ОФИЦЕР. Лишнее, не стоит.

ГЛИНА уводит ДЕВУШКУ.

ОФИЦЕР. Ты за неё просил, отец? За это вот чудовищное?

СТАРИК. Да, пусть и за это вот. Это честное - простое, неграмотное, но честное. Без благородной патины принудительного величия, без оттопыренного мизинчика. Дети, как звери, определяются на инстинктах: мальчик чувствует её, а не вас. Она ему роднее. Докажите своё благородство, господин офицер.

ОФИЦЕР. Мне не сложно.

Пауза.

Это простой случай.

Пауза.

Но всякое благородство имеет свою обратную сторону, отец, нравится тебе это или нет.

Пауза.

Я отпущу девицу прямо сейчас.

СТАРИК. Я верил в тебя. Я себе не мог признаться, но где-то там, очень и очень внутри, я в тебя верил. Спасибо, Господи. Спасибо, сын.

ОФИЦЕР. Ты не дослушал. Ты стал суетлив, ты стареешь - и даже жалко тебя становится. Ты не дослушал: я отпущу девушку, но ты отдашь мне мальчика. Такой размен. Такой неблагородный, но точный и единственно возможный размен.

СТАРИК. Нет.

ОФИЦЕР. Она пойдёт на костёр, отец. Медленное аутодафе, обещаю. Медленное, долгое.

СТАРИК. Тебя убьют, не сегодня так завтра, обязательно. И что станет с мальчиком?

ОФИЦЕР. У нас отличные интернаты для сирот-послушников. Потом кадетский корпус святителя Николая. Прямая честная жизнь сына офицера. Всё просто, без ненужных сомнений и поисков, без тлетворного влияния извне, без интеллигентских мечтаний о несбыточном. Твёрдый путь настоящего гражданина своей страны.

СТАРИК. Освобождение человека от химеры совести. Известная дорога.

ОФИЦЕР. Не приписывай мне лишнего.

СТАРИК. Это не лишнее, это единственно возможная у вас перспектива для мальчика.

ОФИЦЕР. Нет времени на софистику. Просто отдай мне сына.

СТАРИК. Он не пойдёт с тобой, он тебя не знает. Он знает только меня.

ОФИЦЕР. Конечно. В противном случае торг был бы вообще неуместен. Но ты ему скажешь правду и благословишь на дорогу с родным отцом. Попрощаетесь по-доброму. Я бы и тебя забрал в нашу с ним дальнейшую жизнь, если бы существовал хоть малейший шанс на твой переход к нам. Но нет ведь этого шанса, верно?

СТАРИК. У меня встречное предложение. Мальчик остаётся со мной, и он никогда не узнает, кем был его отец. Ты навсегда останешься в его памяти великодушным, добрым и честным человеком, отдавшим свою жизнь за его прекрасное будущее. Никогда, можешь мне верить.

ОФИЦЕР. Я верю, отец, ты всегда был честен со мной. И теперь ты максимально честно обрекаешь эту юную милую еретичку на костёр. Интеллигентно, я бы отметил. Что ж, тебе с этим жить. Итак, ты жертвуешь девушкой? Важно, чтобы не было разночтений в этом вопросе.

СТАРИК. Кому важно?

ОФИЦЕР. Всем: мне, тебе. Создателю, если угодно. Так? Я жду.

Пауза.

У меня нет времени на твои внутренние терзания.

СТАРИК. Да.

ОФИЦЕР. Очень хорошо. Со своей стороны, я не обещаю, что когда-нибудь наш выросший мальчик не узнает о той цене, которой была оплачена его жизнь с тобой, а не со мной. Осталось уточнить формальности, просто для нашей совместной долгой памяти. Глина!

Из второй комнаты выходит улыбающийся ГЛИНА. Оттуда слышен смех ДЕВУШКИ и МАЛЬЧИКА.

ГЛИНА. Слушаю, господин офицер.

ОФИЦЕР. Девицу сюда.

ГЛИНА приводит ДЕВУШКУ.

Присаживайтесь, дорогуша. Сейчас мы сверим вашу личность с документом, её удостоверяющим. *(Достаёт из кармана документы ДЕВУШКИ.)* Начнём, помолясь. Так, родилась в соседнем городке восемнадцать лет назад. Восемнадцать, слышишь, отец? И фамилия ваша...

ДЕВУШКА. А что, восемнадцать? У нас и пятнадцатилетние в батальоне есть.

ОФИЦЕР. Я в курсе. Довольно прискорбный факт.

Во дворе БОЦМАНУ наконец удаётся установить связь.

БОЦМАН. Часовня-три, ты куда пропал, сука? Битый час здесь с рацией в обнимку. Где бензовоз, Фикса?.. Херасе... На месте, ждём же... Да, взяли вчера, километрах в десяти южнее... Не знаю, у офицера документы... А нам-то что делать?.. Понял, отбой.

БОЦМАН спешит в дом.

Господин офицер, Часовня ответила. Там вилы вообще.

ДЕВУШКА. Й-ес!

ОФИЦЕР *(кивает ГЛИНЕ на ДЕВУШКУ)*. Убрать, связать.

ГЛИНА уходит с ДЕВУШКОЙ в дальнюю комнату.

ОФИЦЕР. Что? По порядку.

БОЦМАН. В общем, на Скернице отбились, или там у них отвлекающий манёвр был. Сейчас с этого фланга прорвались. Разведка сообщает, что через час могут здесь быть. Максимум, через два.

ОФИЦЕР. Бензовоз?

БОЦМАН. Бензовоза не будет. Ночью парк накрыло, три машины на ходу остались. И с девкой этой дело такое, нехорошее.

ОФИЦЕР. Что там ещё?

БОЦМАН. Ночью синие на связь вышли - Фикса как раз дежурил, рассказал. Говорят штабу, вы лазутчицу нашу взяли. Вернёте целой и невредимой - остановим движение. Нет - пеняйте на себя. Злые очень, говорит. По сводке, никто вчера пленных не брал, кроме нас. Тем более, женского пола.

ОФИЦЕР. В переговоры штаб вступил?

БОЦМАН. С кем? Пытались через высшее командование, но у еретиков же анархия. Один батальон, чья девка эта, подорвался за неё, ещё один сразу вписался - и понеслась война по кочкам. А там уже арта хочешь не хочешь подключилась, дроны залетали. Всё по полной, короче.

ОФИЦЕР. Ясно.

БОЦМАН. Что делать-то будем?

ОФИЦЕР. Заткнись. Сейчас. Сейчас-сейчас. Так, колонну сгоревшую у въезда в деревню помнишь?

БОЦМАН. Так точно.

ОФИЦЕР. Канистру в руки и бегом туда. Может, нацедишь литров десять хотя бы. Живой ногой, марш.

БОЦМАН. Слушаюсь.

БОЦМАН выходит во двор, достаёт канистру из машины, убегает с ней. Разрывы слышны громче прежнего.

СТАРИК. Нет там бензина.

ОФИЦЕР. Я знаю.

СТАРИК. Отпустил бы ты девушку, всем лучше будет.

ОФИЦЕР. Помолчи.

Из дальней комнаты появляется ГЛИНА.

ГЛИНА. Ну что там, господин офицер?

ОФИЦЕР. Девицу связал?

ГЛИНА. Как приказано было.

ОФИЦЕР. Давай её сюда.

ГЛИНА приводит ДЕВУШКУ со связанными руками.

ОФИЦЕР. Хорошие новости для вас, барышня.

ДЕВУШКА. Да охренеть.

ОФИЦЕР. И тем не менее. Во-первых, костёр для вас отменяется.

СТАРИК *(встаёт на колени)*. Спасибо, господин офицер, я верил в ваше доброе сердце.

ОФИЦЕР. Доброе, значит.

СТАРИК. Конечно, доброе. *(Девушке.)* Я вам обещал вчера, милая, но вы мне не верили. Но вот, вот. Господь милостив.

ОФИЦЕР. Тебе тоже знамение было на сей счёт, отец?

ГЛИНА смеётся.

Молчать!

СТАРИК. Не нужно знамений, Бог милостив по сути своей.

ОФИЦЕР. Не факт.

СТАРИК. Но вот же явление его милости, вот, здесь и сейчас.

ОФИЦЕР. Отнюдь.

ДЕВУШКА. Так я пойду тогда. Вы и без меня дальше спорить можете. Глина, развяжи.

ОФИЦЕР. Стоять! У нас был с тобой договор, отец?

СТАРИК *(поднимается с колен)*. Был.

ОФИЦЕР. Я привык держать слово.

ДЕВУШКА. А я-то здесь причём?

ОФИЦЕР. При всём, дорогуша, при всём. Похоже, нам тут скоро принимать бой, бой неравный и потому короткий.

ДЕВУШКА. Порадовали. Действительно хорошая новость.

ОФИЦЕР. Да, аутодафе ваше, увы, не состоится. Глина, расстрелять еретичку. И не во дворе, а за домом и подальше. Нечего тут детей пугать.

ГЛИНА. Виноват, господин офицер, но пятьсот дукатов.

ОФИЦЕР. Дурак. *(Достает бумажник, отсчитывает купюры.)* Держи. Жаль, милая, что вы не читали мифы Древней Греции, да и классиков отечественной словесности тоже. Очень вам рекомендовал бы на будущее. Но нет у нас с вами будущего. Такая вышла история.

СТАРИК. Простите старика, милая. Простите.

ДЕВУШКА. За что, дед?

СТАРИК. За ложную надежду. Простите. За предательство даже.

ДЕВУШКА. Зря ты это сейчас им на радость. Ты хороший, отец. Мальца береги только. Такой пацан растёт у тебя, такой пацан.

Входит БОЦМАН с канистрой. Одновременно из дальней комнаты появляется МАЛЬЧИК, стоит в дверях.

БОЦМАН. Ни капли. Прострелены бензобаки, кто-то уже успел до нас.

ДЕВУШКА. Тоже хорошая новость.

ОФИЦЕР. Глина, исполнять.

СТАРИК. Я принесу бензин, давайте канистру.

ОФИЦЕР. Боцман, с ним. Поможешь. И быстро, быстро.

СТАРИК. Нет, я сам, один. Иначе не пойду. *(Мальчику.)* Ты зачем здесь?

МАЛЬЧИК. Я про Котика вспомнил. Не пришёл он?

СТАРИК. Нет, не пришёл. Нет его у нас.

МАЛЬЧИК. Значит сегодня придёт. Я соскучился.

СТАРИК. Иди к себе. Иди и ничего не бойся.

МАЛЬЧИК уходит.

СТАРИК. К моему возвращению девушка должна быть жива.

ОФИЦЕР. Хорошо, обещаю.

СТАРИК уходит.

БОЦМАН. А почему она вдруг должна быть не жива?

ОФИЦЕР. Потому что ты уже получил за неё расчёт. Деньги у Глины, пятьсот. *(ГЛИНА подтверждающе кивает.)* Такой тариф, девушка, такой тариф.

БОЦМАН. А если её отпустить? Помирать нам рановато, есть у нас ещё дома дела. Деньги вернём, да, Глина? Вот, вернём.

ОФИЦЕР. Я вас под трибунал. Или сам тут не поленюсь.

БОЦМАН. Да я только как вариант. Я ничего.

ДЕВУШКА. Впервые меня за деньги.

ОФИЦЕР. Нас всех когда-то и за что-то впервые. Но вам повезло: первый раз, он же и последний. Тот первый раз, он поздний самый. Однако нужно спешить. Всем из дома.

ГЛИНА выводит ДЕВУШКУ на улицу. За ними во двор выходят БОЦМАН и ОФИЦЕР.

ГЛИНА *(глядя в небо)*. Вроде светлее сегодня обычного, а?

БОЦМАН. Та же хмарь. Обрыдла. А если не найдёт старик бензина, что делать будем, господин офицер?

ОФИЦЕР. Я тебе уже говорил что. Магазин, оборона. Но он принесёт, он держит слово.

ДЕВУШКА. Да, Глина, светлее. Свободнее дышать.

ГЛИНА. И кажется, весной пахнет.

ДЕВУШКА. Да, пахнет.

БОЦМАН (*Девушке*). Будет тебе сейчас свобода, полная и окончательная.

ДЕВУШКА. Ну так что ж.

Во двор входит СТАРИК с тяжёлой канистрой, ставит её перед ОФИЦЕРОМ.

СТАРИК. Вот бензин. Заправляйтесь скорее и уезжайте, богом прошу. Все уезжайте, вчетвером.

ОФИЦЕР. Спасибо, отец. Боцман, заливай бензобак. Глина, приказ.

СТАРИК. Не берите грех на душу, господин офицер.

ОФИЦЕР. Глина, приказ!

ДЕВУШКА. Хороший пацан растёт у тебя, отец. Обними его за меня. Хороший.

Из дальней комнаты в первую выходит МАЛЬЧИК с тетрадкой и карандашом.

МАЛЬЧИК. Деда? (*Смотрит в окно, затем садится за стол, рисует.*) Она тоже уедет. Все уезжают, как папа. И она теперь на машине этой с пулемётом. Там лёгкий пулемёт на машине сверху, не крупнокалиберный. Он чуть громче автомата стреляет, не страшно. Страшно, когда танк рядом стреляет и от него дым чёрный, солярный, вонючий. Дед запрещает говорить «вонючий», а как говорить не говорит. И трупы такие вонючие, если давно уже лежат. Пусть он не выдумывает. Нет, не буду сегодня трупы рисовать, не хочу. Лучше девушку нарисую, милую.

ГЛИНА уводит ДЕВУШКУ за угол дома, БОЦМАН заливает бензин. Доносится голос ДЕВУШКИ: «Гармонист ты гармонист, ласковы ручонки. Сохнет с солнышком трава, сохнут и девчонки».

Вот такая у неё пусть будет шапка, с помпоном. А здесь мы с дедом сидим, видим её как живую. Как будто маму видим. И пусть чтобы солнце, чтобы светло и везде можно было бегать и играть. И Пёсик пусть со сметаной, и Котик с ним вместе. А там мама идёт смотреть выставку. И Ленка со своей мамой, и Артур одноногий, и бабка Эльза идёт, и солдаты эти идут, и девушка эта красивая. И ещё много всяких разных людей со всякими разными лицами: белыми, жёлтыми, чёрными, красными. Потом их всех нарисую, когда

карандашей цветных у меня много будет. И все весёлые будут, радостные. Потому что лето, потому что светло на улице, ярко и чисто. И солнышко опять. И все живые. Пусть всегда будет солнце. Пусть всегда.

На улице из-за дома раздаётся короткая автоматная очередь.

БОЦМАН (*опуская пустую канистру*). Готово, господин офицер.

ОФИЦЕР. Заводи.

БОЦМАН садится за руль, заводит бронемашину.

Приведи мальчика, отец.

СТАРИК. Нет.

ОФИЦЕР. Я держу слово. Только попрощаться.

СТАРИК. Нет.

ОФИЦЕР. Мне не нужно твоего согласия, но лучше если ты приведёшь его сам.

Возвращается ГЛИНА.

ГЛИНА. Исполнено, господин офицер.

ОФИЦЕР. Допустим. Оружие к досмотру.

ГЛИНА. Слушаюсь.

ГЛИНА отдаёт автомат ОФИЦЕРУ. Тот осматривает его, оставляет у себя. К ним подходит БОЦМАН.

ОФИЦЕР. Боцман, проверить исполнение.

БОЦМАН уходит за дом, все молчат. Через недолгое время оттуда доносится звук нескольких автоматных очередей, затем одиночные выстрелы. БОЦМАН возвращается.

БОЦМАН. Ушла, сучка, не попал. Мог ранить легко, но вряд ли. Далеко было и заборы там.

СТАРИК. И всё же Бог милостив. Спасибо тебе, Господи. *(Глине.)* И тебе спасибо, добрый человек.

ОФИЦЕР. Руки, добрый человек. *(ГЛИНА протягивает руки, ОФИЦЕР застёгивает ему на запястьях наручники.)* Этот добрый человек, не моргнув глазом, расстрелял только на моей памяти не меньше десяти мирных и не очень людей. Но сегодня что-то пошло не так. Я знал, меня чутьё редко подводит. Какой у нас сегодня день, Боцман?

БОЦМАН. Среда вчера была, сегодня четверг.

ОФИЦЕР. Я просто не знал, рядовой Глина, что вы по четвергам людей не расстреливаете. Был, понимаете, не в курсе, командование до меня не довело такую особенность вашего организма. Есть ли у вас другие нерабочие дни? На всякий случай, чтобы не ставить вас всякий раз в неудобное положение.

ГЛИНА. Какой уж теперь всякий раз. Виноват, господин офицер. Помрачение нашло, себя не помнил. Всё пси-излучение это, нам в политцеркви доводили, что чуть не каждый третий еретик им оснащён и обучен воздействию. Вот она им меня и ударила в последний момент, похоже. Виноват.

БОЦМАН. Прошу прощения, господин офицер, но если уходить, то прямо сейчас. С минуты на минуты могут дорогу обрезать, не прорвёмся тогда.

ОФИЦЕР *(кивает на ГЛИНУ)*. Этого в грузовой отсек до трибунала. Сам за руль и смотри чтобы он тебя там пси-излучением не отравил. Двери в машине закрыть.

БОЦМАН грузит ГЛИНУ, садится за руль, захлопывает дверцы бронемашинны.

СТАРИК. Я знал, что ты еёпустишь.

ОФИЦЕР. Нет, это случайность. Её ещё принято называть промыслом Божьим.

СТАРИК. Ты сомневался в солдате, я видел.

ОФИЦЕР. Да, но он вполне мог развеять мои сомнения - и тогда всё прошло бы по плану. Но ты можешь планировать свою судьбу лишь для того, чтобы рассмешить Бога.

СТАРИК. Что будет с этим Глиной?

ОФИЦЕР. Известно что: пытка, трибунал, публичная казнь. Если они сейчас меня не уговорят забыть об этом случае неповиновения приказу. Пусть попробуют.

СТАРИК. Подожди.

СТАРИК уходит в дом, одевает МАЛЬЧИКА, выводит его на крыльцо. Канонада войны усиливается.

БОЦМАН (*высовываясь из машины*). Ну, господин же офицер!

ОФИЦЕР. Рот закрыл. И дверь.

СТАРИК. Мы попрощаться.

МАЛЬЧИК. Мы вежливые потому что.

СТАРИК. Прощайте, господин офицер.

ОФИЦЕР. Прощай, отец. (*Протягивает ладонь для рукопожатия, но, спохватившись и не закончив жеста, присаживается к мальчику, протягивает ладонь ему.*) До свидания, малыш.

МАЛЬЧИК (*отвечает на рукопожатие*). Прощайте.

ОФИЦЕР. До свидания. (*Встаёт, спешит к машине.*)

Бронемашина с военными уезжает. МАЛЬЧИК машет им вслед рукой.

МАЛЬЧИК. Пока! Пока-пока!

СТАРИК. Вот мы и опять одни. Сами по себе.

МАЛЬЧИК. А где ты бензин им нашёл?

СТАРИК. У Артура одноногого, я знал что у него есть. Нельзя было только солдат туда вести, мало ли что могло случиться.

МАЛЬЧИК. А это же инквизиторы были, да?

СТАРИК. Это, в общем, тоже люди. Какие есть.

МАЛЬЧИК. Ты раньше говорил, что инквизиторы страшные и их надо победить. И тогда уйдёт темень и вернётся свет.

СТАРИК. Я и сейчас так говорю.

МАЛЬЧИК. Значит, я их всё равно победю. Есть такое слово, ты сам разрешил. Победю, победу, победу!

СТАРИК. Конечно, победишь. Ты всех победишь. А сейчас мне надо за дровами идти. Потом пилить их будем с тобой.

МАЛЬЧИК. Пилить дрова. Ура!

Канонада войны быстро стихает и прекращается. Луч неяркого света с неба начинает освещать СТАРИКА и МАЛЬЧИКА. С каждой секундой свет становится интенсивнее.

Деда, смотри. Да не туда, вверх смотри. Что это?

СТАРИК. Это небо, малыш, чистое небо.

МАЛЬЧИК. Мгла уходит?

СТАРИК. Похоже, так.

МАЛЬЧИК. Навсегда?

СТАРИК. Не знаю, вряд ли. Темень не уходит навсегда, она просто прячется от света. Чем больше света, тем меньше тьмы. И наоборот. Ну, сам теперь всё это увидишь.

МАЛЬЧИК. Я уже всё вижу, я большой.

СТАРИК. Конечно. Ты видел так много взрослого и так много лишнего, что не мог не стать большим.

МАЛЬЧИК. И сильным?

СТАРИК. И сильным. Ты сам не знаешь, какой ты сильный. И станешь ещё сильнее. Обязательно.

МАЛЬЧИК. Дед, а как называется этот цвет неба?

СТАРИК. Лазоревый, малыш, или просто синий. Самый красивый цвет. Самый красивый.

КОНЕЦ

() Стихотворение Геннадия Шпаликова.*

Ноябрь 2022 года

